

UDC 94:364.467

The Role of the Russian Orthodox Church in the Vocational Rehabilitation of Disabled People during the First World War (Demonstrated by the Example of Tomsk Province)

Alexander S. Kovalev ^{a,*}, Nikolai R. Novosel'tsev ^a, Oleg I. Savin ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the problem of vocational rehabilitation of the First World War invalids. The research subject is the action of the Russian Orthodox Church representatives, involved in the process of employment of disabled people who returned from the front for permanent residence in the Tomsk province. In 1915-1916 the church courses of psalmists for disabled people were opened. Using unpublished documents from the state archives of the Altai and the Tomsk regions, the attempts of local priests to involve the war disabled Siberians in labour activity as church employees were analyzed. The status of war invalids in society was viewed through the lens of capacity to work, however, not all disabled people were ready to take the opportunity to return to work. Based on the anthropological approach to historical research, the authors examine the biographies of disabled residents of Tomsk villages aged between 25 and 40 years old and identifies among the disabled people, who were offered the opportunity of training in psalm-studying courses and further employment, several groups depending on the desire and need for rehabilitation, level of education, degree of disability, age and other characteristics. Based on the results of the analysis, the authors conclude: by involving the church as a partner in the field of policy regarding the disabled population, the state attempted to lift invalids from the state of permanent disability, to turn a disabled veteran into an active member of society. However, many disabled people preferred dependent attitude.

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (N.R. Novosel'tsev), OlegGTS@yandex.ru (O.I. Savin)

Keywords: war invalids, psalmists' courses, disability, professional education, Russian Orthodox Church, vocational rehabilitation

1. Введение

Долгое время в отношении как нетрудоспособного населения в целом, так и инвалидов войны, в частности, в российском обществе господствовала христианско-филантропическая модель социальной помощи. В ее основе было стремление обеспечить инвалидам войны светское призрение, организационной формой которого выступали приюты, богадельни и прочие учреждения, в стенах которых лишившимся трудоспособности лицам оказывали элементарную помощь, которая состояла в своевременном предоставлении жилища и пропитания не способным к самообслуживанию инвалидам.

Подобное патерналистское отношение к «убогим» согражданам было возможно до тех пор, пока в пореформенной России с началом становления капиталистических отношений не стали формироваться новые стандарты профессиональной пригодности. Трудовая карьера человека рассматривалась как пожизненная и заканчивалась только с наступлением нетрудоспособности, прекратив которую по причине инвалидности человек становился «бесполезным» для зарождающегося индустриального общества. Если прежде обмен функциями между поколениями в рамках семьи составлял важнейшие условия выживания инвалидов в обществе, то с началом индустриального развития и миграции из деревни в города происходит распад «семейной» модели социальной помощи.

Кроме того, помощь инвалидам в богадельне была возможна, поскольку они воспринимались как относительное меньшинство, «доживающее» свой век, и численность инвалидов была относительно низкой. Однако одним из последствий глобального вооруженного конфликта в 1914-1918 гг. стало резкое увеличение численности нетрудоспособного населения, основную массу которого составляли мужчины. Вчерашние кормильцы, которые были способны обеспечить свою семью, теперь превращались в огромную армию иждивенцев. В связи с чем перед обществом и государством возникла проблема профессионально-трудовой реабилитации инвалидов и возвращения к повседневной трудовой деятельности.

Термин «реабилитация» означает процесс, который направлен на то, чтобы помочь инвалиду достигнуть оптимального уровня в своей повседневной деятельности и поддерживать его, чтобы расширить рамки самостоятельной, независимой жизни. В связи с этим особо пристальное внимание следует уделять вопросам, связанным с восстановлением трудоспособности, обеспечением надлежащего профессионального обучения и трудоустройства, поскольку чаще всего физические ограничения, появляющиеся у человека с инвалидностью, являются причиной того, что он исключается из общества.

Реабилитационные мероприятия должны учитывать возможности инвалидов, быть целесообразными и достаточными для того, чтобы инвалид мог перейти или вернуться к привычному для большинства граждан образу жизни, позволяющему ему оставаться самостоятельной, экономически независимой единицей.

Профессионально-трудова́я реабилитация должна быть противопоставлена традиционному подходу, ориентированному на оказание долгосрочной материальной поддержки лиц с инвалидностью. С точки зрения экономической целесообразности финансовая поддержка должна оказываться только до тех пор, пока инвалид стремится найти работу, после чего денежные выплаты следует прекратить и снять инвалида, способного к труду «с шеи» государства. Но и с социальной точки зрения постоянная материальная помощь инвалиду ставит его в постоянно зависимое положение от государства, вынужденно формирует у него иждивенческую позицию, со временем трансформирующуюся в претенциозное убеждение, что общество и государство «должно» инвалиду.

Подробный анализ имеющейся научной литературы, а также архивных материалов, часть которых будет представлена в этой статье, позволяет утверждать, что в годы Первой Мировой войны российское государство предпринимало первые попытки сформировать на региональном уровне некую реабилитационную модель социальной помощи инвалидам войны, в рамках которой активно действовали как государственные, так и общественные организации, в том числе Русская православная церковь, готовые оказать посильную помощь в сохранении трудовой активности.

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе документов государственных архивов Алтайского края и Томской области. Методологическую основу исследования составили принципы антропологически ориентированного подхода к истории, который позволил подойти ближе к пониманию социального поведения инвалидов войны. Для него характерным является перенос акцента в исследовании на изучение описание значимых жизненных событий и стратегий поведения индивидов. Также анализируются материальное благополучие, физическое и психическое здоровье инвалидов войны, их личные характеристики, стереотипы мышления, социальные контакты и взаимоотношения, повседневных занятия на основе отдельных случаев и конкретных жизненных обстоятельств (Dulmen, 1993).

Кроме того, в исследовании были использованы историко-сравнительный, историко-генетический, проблемно-хронологический методы, позволившие проанализировать реабилитационные меры в отношении инвалидов Первой Мировой войны в определенных культурно-исторических условиях в их взаимосвязи и взаимообусловленности на фоне социально-экономических процессов, происходивших в стране, выявить соотношение объективных и субъективных, личностных факторов в этом процессе, а также выявить общегосударственные и региональные черты социальной помощи в трудовой реабилитации.

3. Обсуждение

В российской исторической науке тема восстановления трудовых способностей лиц с инвалидностью в последнее время стала одной из самых популярных. Так, особенности благотворительной помощи в области призрения военных инвалидов отражены в исследовании П.П. Щербинина (Щербинин, 2005). А. Зумпф рассматривает перспективы трудоустройства в контексте экспертизы в России во время Первой мировой войны (Зумпф, 2014). Е.В. Степочкина анализирует организацию медицинской помощи инвалидам во время Первой мировой войны с точки зрения социальной реабилитации (Степочкина, 2014).

В сибирской историографии проблемы военной повседневности сибирского тыла, в которую все более глубоко вращались инвалиды войны, представлены в монографии М.В. Шиловского «Первая мировая война 1914-1918 годов и Сибирь»

(Шиловский, 2015) . Т.А. Катциной проведен общий обзор основных тенденций и специфики социальной помощи инвалидам войны в 1914-1921 гг. в Сибири (Катцина, 2017). И.А. Еремин анализирует деятельность министерств путей сообщения, народного просвещения, торговли и промышленности, в учреждениях которых можно было найти возможности в деле трудоустройства и реабилитации инвалидов Первой мировой войны (Еремин, 2016). Он также упоминает, что православное духовенство не осталось в стороне от оказания помощи раненым и больным воинам, но ограничивается вопросами организации медицинского ухода за солдатами в домах инвалидов.

Фрагментарно отдельные направления профессиональной реабилитации инвалидов войны в Сибири в дореволюционный период были затронуты А.С. Ковалевым, однако они рассматриваются в большей степени как предпосылки становления советской практики социальной помощи инвалидам (Ковалев, 2011).

В зарубежной историографии проблема профессионально-трудовой реабилитации лиц с инвалидностью и роль Русской православной церкви также освещается крайне скудно. Тем не менее, можно выделить работу Дж. В. Браун (Brown, 1989), которая рассматривает общественную помощь в Императорской России лицам с ментальной инвалидностью и делает заключение о том, что Русская православная церковь была единственным субъектом организованной помощи, хотя в большинстве случаев механизмы этой помощи носят неофициальный характер. При этом американский историк утверждает, что эта помощь ограничивалась только предоставлением убежища (помещением в богадельни), на основании чего делает вывод о том, что дореволюционная Россия в этом отношении ничем не отличается от западных стран. Но в то же время Дж. Браун отмечает, что в начале XX в. в Российской Империи явно прослеживается стремление общества и государства отказаться от мер изоляции в пользу новых форм помощи. Д.Х. Кайзер (Kaiser, 1998) в своей работе, посвященной предпосылкам становления общественного призрения в России, сформировавшимся в XVIII в.

отмечает, что инвалиды не были частью неимущего населения, поскольку проживали в семьях, поддерживаемых местными церковными общинами. В статье С.Д. Филлипс (Phillips, 2009), в которой коротко описывается состояние проблемы инвалидности и образа жизни нетрудоспособных в досоветское время. Описывая догосударственный опыт социальной помощи инвалидам, она обращает внимание на то, что до революции инвалиды добивались благотворительности в православных церквях и монастырях и вокруг них, а также были интегрированы в свои общины.

В целом работы, посвященные проблеме профессионально-трудовой реабилитации, останавливаются на деятельности государственных ведомств. Авторы справедливо пишут о том, что в годы войны произошло осознание того, что дело помощи увечным воинам не должно носить характер факультативной благотворительности, а быть задачей государственной, требующей для своего осуществления ответственного органа на местах, «для которого призрение увечных воинов являлось бы не правом, а обязанностью» (Катцина, 2017: 111).

Союзником государственных органов должны были стать общественные организации, однако сами благотворители отмечали, что за время войны ими было сделано слишком мало. В то же время роль Русской православной церкви в процессе восстановления трудоспособности инвалидов Первой мировой войны в исторической литературе и вовсе осталась не освещенной. Настоящая статья направлена на то, чтобы восполнить этот пробел отечественной историографии благотворительности.

4. Результаты

Первая Мировая война в социальном отношении стала настоящим испытанием для российского общества. Масштабные военные действия и миллионы вовлеченных в глобальный вооруженный конфликт граждан привели к тому, что частью повседневности военного времени стало появление большого числа раненых солдат, становившихся инвалидами. Именно в годы Первой Мировой войны само обозначение «инвалид» прочно входит в лексику русского общества. Именно тогда на патриотической волне в особую категорию попадают те, кто

получил увечье на фронте («военные инвалиды»). Из примерно 1 млн призванных в армию сибиряков было уволено со службы по инвалидности 349 тыс. чел. По статистическим данным, в сентябре 1915 г. только тех, кто лишился конечностей, насчитывалось около 25 000 (Шиловский, 2015: 153).

Социальный статус инвалидов войны виделся сквозь призму работоспособности. Им платили пенсию (пособие) в соответствии со степенью утраты трудоспособности, но рассматривали для них возможность трудиться. Именно здесь зарождается «особое» отношение к инвалидам, когда государство начинает рассматривать увечного человека с позиции его «полезности» для общества, «выжать» из него остатки работоспособности. В то же время это были первые попытки создать механизмы профессионально-трудовой реабилитации инвалидов.

Е.В. Степочкина приводит классификацию инвалидов войны по степени увечности, позволявшей им заниматься тем или иным видом деятельности, принятую на одном из заседаний Съезда по организации помощи инвалидам в 1916 г. Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам:

- для обучения столярным и слесарным работам требовалось наличие обеих рук, одной ноги и одного глаза, допускалось отсутствие не более двух пальцев на левой руке;

- для ремонта сельскохозяйственных машин, часового и жестяницкого дела необходимо было наличие обеих рук и ног, допускалось отсутствие одного глаза и двух пальцев (мизинца и безымянного) на обеих руках;

- для кузнечного дела требовались обе руки, одна нога и один глаз, могло не хватать одного пальца на левой руке;

- до малярного ремесла допускали инвалидов с одной рукой и одним глазом при наличии обеих ног, с отсутствием слуха;

- для зубной техники достаточно было одной руки и одного глаза, при отсутствии ног и слуха;

- для переплетных работ необходимо иметь обе руки со всеми пальцами и один глаз (Степочкина, 2014: 287).

Первые меры, направленные на профессионально-трудовую реабилитацию инвалидов войны, относятся к 1915 г., когда Военное министерство выступило с предложением предоставить уволенным со службы «за ранами, увечьями, болезнями» нижним воинским чинам возможность добывать себе «средства к свободному существованию собственным трудом». Так, в учреждениях самого военного ведомства все низшие должности, «замещаемые обычно по вольному найму, предоставлялись впредь исключительно лицам указанной категории» (Ковалев, 2011: 282).

Следующей мерой стало открытие для раненых военнослужащих краткосрочных курсов по различным отраслям прикладных знаний, дабы «открыть для инвалидов доступ к замещению более ответственных должностей, требующих физического труда частично». Это были курсы по подготовке волостных писарей, счетоводов, железнодорожных техников, чертежников, дезинфекторов, специалистов плодоводству, инструкторов по кустарной промышленности. Местным сословно-представительским органам также предписывалось выяснить, какие школы, курсы и мастерские и в каком числе необходимо организовать в той или иной местности, «чтобы предоставить увечным воинам возможность использовать остаток своих сил с наибольшей пользой для страны» (Ковалев, 2011: 283).

Особая роль в переобучении инвалидов принадлежала Министерству земледелия. Оно также наметило организацию курсов по разным отраслям сельского хозяйства: счетоводов, конторщиков, скотников, маслоделов, садовников, огородников, монтеров и машинистов и т.п. При этом для каждого вида курсов Министерством земледелия были разработаны соответствующие учебные планы. Всего в стране в 1916 г. было учреждено около 300 подобных курсов (примерно по 5 курсов на губернию), рассчитанных на 15 750 слушателей (Ковалев, 2011: 284-285).

На местах процессы профессионального обучения и переобучения с дальнейшим трудоустройством, конечно же, шли более медленно. Тем не менее, в крупных губернских городах и государственные, и общественные деятели осознавали свою ответственность за возвращавшихся с фронта инвалидов войны.

Так, I съезд представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям, проходивший в Красноярске 15-17 июня 1915 года в специальной резолюции съезд признал необходимым подыскивать инвалидам войны вакансии низших служащих, внушать способным к какому-либо труду, чтобы они не уклонялись от него. Красноярский комитет Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам в марте 1916 года открыл приют, где инвалиды имели возможность обучиться сапожному ремеслу, планировалось проводить занятия по земледелию, пчеловодству и огородничеству, устраивать краткосрочные курсы по кооперации и другим отраслям знаний, доступным для инвалидов. 13 инвалидов из разных мест Енисейской губернии, окончив курсы по кооперации и счетоводству, смогли вскоре трудоустроиться с заработком от 40 до 125 руб. в месяц (Катцина, 2017: 112).

Признав, что справиться с задачами обучения, переобучения и трудоустройства инвалидов в одиночку оно не сможет, Военное министерство постаралось привлечь прочие ведомства. Так, «самым благотворным образом», по мнению военного министра Д.С. Шуваева должно было сказаться участие в программе реабилитации инвалидов войны Русской православной церкви. В связи с этим Шуваев направил Св. Синоду письмо, в котором предлагал духовным органам, во-первых, организовать специальный церковный сбор в пользу оказания помощи увечным в течение Святой недели «с разъяснением пастырями прихожанам глубокого смысла и значения жертвы на это дело», а также самим принять посильное участие в деле помощи пострадавшим на войне нижним чинам.

Св. Синод с предложениями Военного министра согласился и предписал, «чтобы все учреждения духовного ведомства немедленно приступили к работе по скорейшей организации... (и) предоставлению увечным воинам соответствующих мест службы». Для этого «всему православному духовенству» надлежало не только организовать церковные сборы, но также:

– «предварить пастырским призывом к прихожанам, выясняя весь глубокий смысл и значение образования увечных воинов на пользу Царя и Родины»;

– пригласить приходские попечительские советы принять участие в производстве учета инвалидов войны и «в разъяснение сим воинам, какие места они могли бы занять, и к какому начальству следует им направлять свои просьбы о предоставлении места, содействовать выяснению, какие именно школы, курсы, мастерские следовало бы организовать в той или иной местности»;

– поручить местным епископам войти в сношение с местной гражданской властью по вопросу о мероприятиях по организации для увечных воинов школ;

– предписать учреждениям духовного ведомства в деле замещения низших служительских должностей руководствоваться «Правилами о порядке определения на должности в гражданских ведомствах нижних чинов, уволенных в перво-бытное состояние вследствие полученных на войне ран, увечий и болезней» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 3-3об.).

К тому времени в регионах уже имели место стихийные попытки отдельных священников оказать посильную помощь травмированным фронтовикам, вернувшимся домой. Например, в 1915 г. Алтайская духовная миссия создала Комитет помощи раненым на войне учителям и их семьям («Учительский комитет»). Его участниками стали действующие учителя, которые отчисляли в фонд Комитета 1 % своего жалования, а Комитет распределял их между пострадавшими на войне учителями. Интересно, что поддержкой комитета пользовались все учителя, даже те, кто после ранения мог продолжать свою профессиональную деятельность. В деятельность Комитета вовлекались даже те учителя, которые трудились в приходских школах, но «не имеющие свидетельства на звание учителя». Если они получали жалование из средств Миссии, то также должны были отчислять 1 % своего жалования на нужды увечным учителям. Размер выплачиваемого пособия составлял около 10 руб. в месяц (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 153. Л. 3, 21об, 48об).

Но после привлечения к программе обучения и трудоустройства инвалидов со стороны Военного министерства церковь стала полноправным участником формировавшейся системы профессионально-трудовой реабилитации инвалидов Первой Мировой войны.

Святейший Правительствующий Синод разослал на места резолюцию об открытии при мужских обителях приютов для «увечных воинов». В нем в приторно-патриотическом стиле говорилось о том, что «Отечественная война побуждает всех верных чад родины с неослабимым усердием вести свои силы и средства на помощь доблестному нашему воинству, защищающему честь и целостность русской земли на поле брани». Поэтому Синод призывал всех россиян нести «свои средства и труд на пользу раненым и больным воинам и на призрение их семейств, надеясь, что «настоящий призыв встретит как среди иночествующей братии, так и среди боголюбивых мирян самое живое содействие к его осуществлению, и что в нашем народе таятся неисчерпаемые силы любви к родине и готовности послужить в святом деле всяческой помощи защитникам отечества, проливающим свою кровь на поле брани» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 522. Л. 1).

Помощь инвалидам войны, которые «вследствие полученных на войне увечий оказываются лишенными возможности вернуться в обстановку прежней жизни для добывания средств пропитания себе и своим родным собственным трудом» называлась «новым способом служения родине» со стороны тех людей, которые «не несут тяготы на поле брани и остаются в условиях обычной своей жизни». Однако смысл этой помощи заключалась, по мнению церковного начальства не только в том, чтобы дать призрение, но и «приучить их к новому для них труду, коим, в соответствии с состоянием своих сил и неутраченных способностей к труду, они могли бы поддерживать сами свое существование» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 522. Л. 2). Для реализации этой цели Синод предлагал использовать многочисленные, с точки зрения его руководства, свободные помещения, которые можно обнаружить в любом монастыре, и в которых следовало организовать обучение столярным, слесарным, точильным, плетеночным, сапожным, швейным и другим работам.

Синодальным конторам на местах в кратчайшие срок надлежало выяснить и донести Синоду: на сколько человек в каждой мужской обители имеется сво-

бодных помещений, какие приспособления могут быть теперь же сделаны в помещениях, пригодных для указанной цели, какие средства (при скудности наличных местных средств) на содержание призреваемых воинов могут быть изысканы из разных источников, обучение каким работам в приютах может быть осуществлено при внимательном отношении к делу в непродолжительном времени в соответствии с местными потребностями и возможностями. В результате на запрос Синода с мест были даны ответы о том, что в мужских обителях могут быть отведены для призрения инвалидов войны 2 000 мест, причем содержание 1,5 тыс. чел. могли принять на себя местные епархии (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 522. Л. 2–3-об).

Духовные консистории на местах предписали благочиниям срочно собрать сведения о том, «какое число инвалидов настоящей войны из окончивших курсы церковно-приходских и народных школ и других училищ, проживает во вверенном благочинии». Кроме того, благочинным надлежало выяснить, какие средства к существованию имеют эти инвалиды, как предполагают устроиться и обеспечить свое существование неимущие, имеются ли из числа инвалидов желающие обучаться ремеслам. Дополнительным был вопрос о том, есть ли желающие обучаться на псаломщицких курсах, т.к. Синодом была поставлена особая задача – подготовить из числа инвалидов способных «подготовиться к занятию псаломщических должностей», поскольку епархии постоянно нуждаются в квалифицированных псаломщиках.

Так, Епископ Томский и Алтайский Анатолий жаловался, что «учебного заведения, которое поставляло бы кандидатов на псаломщические места, епархия не имеет. Места заполняются случайными искателями мест, умеющими читать и петь и выдерживающими экзамен по программе на звание псаломщика». Конечно, можно усомниться в том, что псаломщики из инвалидов качественно отличались от «случайных искателей», поскольку требования к ним были не менее серьезными: «обладать некоторой грамотностью и голосовыми средствами настолько, чтобы научиться чтению и церковному пению, а равно и письмоводству в такой степени, чтобы нести обязанности псаломщика при сельской церкви») (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 29-30). Но это еще раз свидетельствует

о том, что основным мотивом церковных властей действительно было содействие инвалидам.

Реализуя предписания Синода, благочинные встретились с многочисленными трудностями. Большинство настоятелей отвечали, что их монастыри не имеют возможности организовать дополнительное призрение инвалидов войны, поскольку не имеют ни помещений, ни финансовых средств для организации курсов. Поэтому в архивах сохранились сведения только об отдельных случаях положительного решения этих вопросов. Например, наместник Томского Богородице-Алексеевского мужского общежительного монастыря иеромонах Тихон в своем рапорте сообщал, что монастырь может «принять... 7 человек увечных воинов на полное содержание с довольствованием пищей, обувью, одеждой и помещением... Монастырь... имеет возможность открыть обучение сапожному делу и швейному мастерству. Для обучения же другим ремеслам нужно нанимать руководителей. Монастырь мог бы это сделать, если бы из числа принятых в него нашлись бы способные к этому» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 522. Л. 5).

Но как раз с желающими пройти переобучение было хуже всего. Благочинные прислали ответы, что инвалидов в их местности нет, а если и есть, то стремления обучаться на курсах не выражают: «Хотя в приходе есть несколько лиц, получивших ранения на войне и навсегда уволенных из рядов войск, они вполне трудоспособны и в посторонней помощи не нуждаются». Однако причины своего нежелания овладеть новым ремеслом каждый из инвалидов называл различные. Одни, заявляли, что «есть самостоятельное хозяйство, (из которого имеется) все необходимое для существования», а потому инвалиды «надеются прожить своим хозяйством». Про других прихожан благочинные доносили, что хотят учиться, но не хотят идти на церковную службу. Кто-то сам, не надеясь на помощь от государства, сам отправился из села в город, «чтобы приискать себе какую-нибудь работу, к которой способен» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 41об).

Всех инвалидов войны Томской губернии, попавших в поле зрения священников, и о которых сохранились хотя бы фрагментарные архивные сведения, можно разделить на несколько групп.

Первую группу составляют те, кто занимал откровенно иждивенческую позицию. Чаще всего они имели начальное или домашнее образование, и травмы

были такими, что вполне позволяли инвалиду стать псаломщиком, но они заявляли: «...заняться, не знаю, чем, учиться не желаю».

Некоторые из них предпочитали «сидеть на шее» у родителей. К примеру, С.Н. Кульдиба из Томска, 25 лет, окончивший министерское одноклассное училище и лишившийся на войне правой руки, заявлял, что «к физическому труду не способен, может быть только сторожем, учиться не желает, и вообще не способен к обучению». Он переехал жить к родителям и выразил надежду, что они «будут жить долго и не оставят его» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 81-82). У его сверстника В.И. Малянова из Барнаула, который проживал после демобилизации в родительском доме, отец имел крупное пимокатное дело. Инвалид был вполне обеспечен, поэтому к учению не стремился (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 66-67).

Во вторую группу входили те, кто объяснял отказ пойти учиться тем, что «они в настоящее время получают пособие из казны» и «острой нужды не чувствуется». Подобное убеждение может проиллюстрировать заметка томского благочинного об инвалиде Л.И. Филатьеве, отказавшемся от обучения на курсах, который «ходит на костылях, живет в доме своих родителей, может немного работать, получает 105 р. пенсии в год».

Сюда же можно отнести инвалидов, объединенных в общность под условным названием «ожидающие пенсию». По интересному стечению обстоятельств это были те, кто имел образование не ниже начального, имеющие ранение руки, жаловавшиеся на то, что «средств к существованию нет, надеюсь на пенсию». Все они не работали, жили ожиданием того, что в скором времени будут получать от государства определенную сумму, которой им хватит на жизнь, в крайнем случае были готовы пойти обучаться сапожному мастерству, и только если бы у них не было пенсии и в сапожники их не взяли, они могли бы рассмотреть возможность пойти на псаломщические курсы (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 76-77).

Впрочем, можно смело утверждать, что не «большое пособие», а повальная неграмотность крестьянского и мещанского населения была основной причиной, вынуждавшей инвалидов отказываться от предлагаемой им услуги. Безусловно,

если учесть, что в обязанности псаломщика, помимо клиросного чтения и пения, входило все письмоводство по приходу, в ходе которого он вел метрические книги, книги для записи браков, исповедные росписи, ведомости с подробным обозначением средств содержания причта и т.п., становится ясно, что без надлежащего образования эту должность было просто невозможно занять.

О тех, кому по неграмотности не удалось стать псаломщиками, благочинные писали, что такие инвалиды проживают в домах своих родителей или ближайших родственников, помогая последним заниматься сельским хозяйством, «хотел бы пойти учиться, но к учению не способен, неграмотный» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 62об.).

Третью группу составили те, кто уже трудился, получал какой-никакой доход и переменить гражданскую службу на церковную не торопился. Среди них были служившие кондукторами на железной дороге, трудившиеся официантами или состоявшими кучером и получавшие от 30 до 50 руб. (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 62, 67, 76)

Еще одну группу инвалидов войны составили те, кто хотел бы обучиться, но по объективным причинам не мог записаться на курсы, желая при этом трудоустроиться и приносить пользу и себе, и обществу. Например, крестьянин В.П. Батухтин был грамотным, мечтал стать церковным служителем, но на войне полностью потерял зубы и говорить свободно и понятно не мог, а значит, не мог и занять должность псаломщика. К чести инвалида следует заметить, что он не пал духом и, получив отказ, стал заниматься плотницкими работами.

Другой инвалид, М.Н. Новаш писал: «Псаломщицкие курсы нахожу для меня бесполезными, т.к. я лишен правой ноги, и они меня к дальнейшему ни к чему не приведут. А желал бы я на учительские курсы одноклассной церковно-приходской школы, которые, я думаю, облегчили бы мою участь. Хотя я не тягочусь и церковной службы, устав церковный меня не затрудняет, и я с ревностью служил бы Господу Богу, но затрудняют меня Крестные ходы. Средств к существованию... я не имею... в 1911 г. я вышел из государственной военной службы и поступил на службы церковную, где имел счастье прослужить только

2,5 года, а в 1914 г. я пошел на защиту Веры, Царя и Отечества» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 55).

Как видно из прошения, Новаш уже имел опыт церковной службы, был человеком деятельным, и ставшая привычной для многих инвалидов жизнь за счет других была для него неприемлемой. Он отдавал себе отчет в том, что быть псаломщиком он не может, поскольку служил в этой должности до войны и знал, с какими тяготами для организма это связано, но при этом понимал, что есть другая возможность сохранить социальную активность.

Еще один крестьянин-инвалид Т.Т. Такин был готов занять место псаломщика, однако в конечном счете получить его не смог, т.к. выяснилось, что в свое время он ушел из церковно-приходской школы и не получил свидетельство об ее окончании, без которого невозможно было поступить и на курсы псаломщиков (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 40).

Неграмотный крестьянин Ф.Г. Глубинский, понимая, что псаломщицкие или сельскохозяйственные курсы для него недоступны, изъявил желание обучаться сапожному ремеслу, зато его грамотный сосед, двадцатилетний инвалид И.Г. Тарасенко, даже захотел «учиться ездить на автомобиле, чтобы поступить на должность шофера» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 40об).

Наконец, в последней группе оказались те, кто воспользовался предоставленной возможностью, причем важно отметить то обстоятельство, что для этих людей потребность трудиться и зарабатывать на жизнь самостоятельно не была ограничена ни их необразованностью, ни даже их увечьями, о чем говорят их жизненные истории.

П.В. Ерофеевский, 25 лет, окончил курс церковно-приходской школы, когда-то служил «в торгово-промышленном предприятии», был призван в армию, ранен и после ранения оказался не способен ни к какому физическому труду, поскольку «вынуты 3 ребра и не владеет рука и нога». Оставшись без работы и не имея никаких средств к существованию, за исключением маленькой пенсии, поступил учиться на псаломщицкие курсы (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 34).

34-летний крестьянин Ф.И. Паршиков вернулся с войны без руки, зато с медалями и двумя Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степени, благодаря которым

жил на особую пенсию. Этой пенсией он был вполне доволен, но тоже решил просить «допустить... как инвалида устроиться на псаломщицкие курсы, дабы я мог потом получить должность...» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 36)

Пошел на псаломщицкие курсы и томич И.Е. Косинов, образованный молодой человек, который жил вместе с хорошо обеспеченных сельским хозяйством родителями. Его пример подтверждает, что наличие стабильного дохода или богатых родственников не может считаться причиной иждивенческой позиции, характерной для инвалидов, имевших сходное социальное положение (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 81-82).

Чаще всего на псаломщические курсы записывались инвалиды от 33 до 45 лет, имевшие за плечами церковно-приходскую школу и получившие на фронте «несерьезные телесные повреждения», но понимавшие, что заниматься хлебопашеством им будет уже не под силу.

О том, сколько человек выучились на различного рода курсах и сколько было трудоустроено, сведений, к сожалению, нет. Мало известно и о судьбе самих курсов, но скорее всего они были ликвидированы сразу после прихода к власти большевиков.

5. Заключение

Подводя итоги, следует в первую очередь обратить внимание на то, что в условиях такого сурового испытания, каким стала Первая мировая война, на дело социальной помощи пострадавшим солдатам, возвращавшимся домой инвалидами, были мобилизованы все общественные силы. Естественно, государство не могло справиться в одиночку с целым комплексом проблем, которые появились после начала войны, в том числе в области общественного призрения нуждавшегося нетрудоспособного населения. Тем удивительнее выглядит попытка создать в тылу систему эффективной реабилитации через профессиональное обучение и переобучение.

Эта идея во многом опередила свое время и предвосхитила появление подобных современных способов вовлечения лиц с инвалидностью в трудовую деятельность. Если в западных странах, также пострадавших от войны, основной

упор в это время был сделан на открытие дополнительного числа специализированных заведений для инвалидов боевых действий, в которых основная работа была сфокусирована на оказании экстренной психологической помощи, то в Российской Империи государство и общество впервые обратили внимание на то, что инвалид войны способен к продолжению трудовой деятельности, пусть даже в новых для него условиях.

С одной стороны, это был чисто рационалистический подход – попытка снять инвалидов войны «с шеи» государства, которое, в свою очередь, прекрасно отдавало себе отчет, что отчасти оно было само виновато в увеличении численности инвалидов войны, поэтому всячески старалось устроить их в мирной жизни. Это во многом связано с тем, что прежде проблема призрения военных инвалидов в таких масштабах не стояла – они числились по военному ведомству и получали соответствующее материальное вознаграждение в виде пенсии или пособия. Теперь же, когда война резко увеличила численность инвалидов в обществе, прежняя модель общественного призрения перестала работать, поскольку основную массу инвалидов составляли обыкновенные граждане, по призыву или добровольно ушедшие на фронт и ставшие в результате калеками. Теперь они возвращались в общество, где работающее население было не готово принять их обратно в свои ряды. Требовалось создавать для них новые рабочие места, либо способствовать их переквалификации и дальнейшему трудоустройству.

Государство, привлекая разные институты, в том числе церковь, предоставило инвалидам войны возможность устроиться на посильную работу, чтобы они занимались общественно-полезным трудом, получали вознаграждение, не становились социальными изгоями, в том числе через открытие курсов псаломщиков в благочинных округах. Однако реализация этой практики, как показывает опыт Томской губернии, сопровождалась многочисленными трудностями, главными из которых стали повальная неграмотность инвалидизированного населения, а также ярко выраженная иждивенческая позиция последнего.

К сожалению, этот уникальный исторический опыт профессионально-трудовой реабилитации в скором времени был забыт, поскольку в условиях нового

государства, активно боровшегося с религией и религиозными организациями и учреждениями, не могли существовать даже те положительные и значимые начинания, которые имели место в благотворительной деятельности Русской православной церкви. В то же время идеологический принцип «утилизации труда» инвалидов, сформулированный советской властью в начале 1920-х гг. во многом базировался на дореволюционной практике содействия инвалидам войны в возвращении к трудовой жизни с привлечением институтов Русской православной церкви, которая была одним из важнейших элементов социальной помощи нетрудоспособному населению страны.

Литература

ГААК – Государственный архив Алтайского края.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

Еремин, 2016 – *Еремин И.А.* Трудоустройство инвалидов Первой мировой войны в Западной Сибири // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. №1 (6). С. 40-43.

Зумпф, 2014 – *Зумпф А.* Инвалидность и экспертиза во время Первой мировой войны в России; пер. В. Гавриленко // Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох: Сб. статей / ред. К. Бруиш, Н. Катцер. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 12-17.

Катцина, 2017 – *Катцина Т.А.* Социальная помощь инвалидам войны в годы «великих потрясений» (1914-1921): региональный аспект // Революция 1917 года: 100 лет спустя. Взгляд из Сибири. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 25-26 октября 2017 г. Красноярск: ООО «Лаборатория развития», 2017. С. 111-115.

Ковалев, 2011 – *Ковалев А.С.* Профессиональная реабилитация инвалидов в Сибири в первой четверти XX в. // Социальная реабилитация: социокультурные

и психолого-педагогические ресурсы и практики: материалы Третьей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Красноярск, КГПУ, 2011. С. 281–293

Степочкина, 2014 – *Степочкина Е.В.* Организация медицинской помощи и социальная реабилитация инвалидов в Самарской губернии во время первой мировой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Электронный сборник. Вып. 2. Самара, 2014. С. 285-289.

Шиловский, 2015 – *Шиловский М.В.* Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.

Щербинин, 2005 – *Щербинин П.П.* Особенности призрения военных инвалидов и членов их семей в России в XVIII – начале XX в. // Вестник ВГУ Серия Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 222-233.

Dulmen, 1993 – *Dulmen van R.* Historische Anthropologie in der deutschen Sozialgeschichte // THESIS. 1993. №3. С. 208-226.

Brown, 1989 – Brown, Julie V. 1989. Societal Responses to Mental Disorders in Prerevolutionary Russia // *People with Disabilities in the Soviet Union: Past and Present, Theory and Practice.* William O. McCagg and Lewis Siegelbaum, eds. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. Pp. 13-37.

Kaiser, 1998 – Kaiser D.H. The poor and disabled in early eighteenth-century Russian towns // *Journal of social history.* 1998. Vol. 32, №.1. Pp. 125-155.

Phillips, 2009 – Phillips, Sarah D. (2009) "There Are No Invalids in the USSR!": A Missing Soviet Chapter in the New Disability History, *Disability Studies Quarterly*, vol. 29, March available from URL: <http://dsq-sds.org/article/view/936/1111> (accessed 23.01.2018)

References

Brown, 1989 – Brown, Julie V. (1989). Societal Responses to Mental Disorders in Prerevolutionary Russia. In: *People with Disabilities in the Soviet Union: Past and Present, Theory and Practice.* William O. McCagg and Lewis Siegelbaum, eds. pp. 13-37. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Dulmen, 1993 – Dulmen van R. Historische Anthropologie in der deutschen Sozialgeschichtsschreibung (Historical anthropology in the German social historiography). THESIS, 1993, Nr.3, pp. 208-226 (in German).

Eremin, 2016 – Eremin I.A. Trudoustroistvo invalidov Pervoi mirovoi voiny v Zapadnoi Sibiri (The employment of disabled people of the First world war in Western Siberia). Gumanitarnye problemy voennogo dela (The Humanitarian problems of military Affairs), 2016, Nr 1 (6), pp. 40-43 (in Russian)

GAAK – Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (State archive of Altay region).

GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti (State archive of Tomsk region).

Kaiser, 1998 – Kaiser D.H. The poor and disabled in early eighteenth-century Russian towns. Journal of social history, 1998, vol. 32, Nr. 1, pp. 125-155.

Kattsina, 2017 – *Kattsina T.A.* (2017) Sotsial'naya pomoshch' invalidam voiny v go-dy «velikikh potryasenii» (1914-1921): regional'nyi aspekt (The Social aid for the disabled soldiers during the "great upheaval" (1914-1921): regional aspect) In: Revolutsiya 1917 goda: 100 let spustya. Vzgl'yad iz Sibiri. Materialy Sibirsko-go istoricheskogo foruma. (Revolution of 1917: 100 years later. The view from Siberia. Materials of the Siberian historical forum). Krasnoyarsk: OOO «Laboratoriya razvitiya», pp. 111-115 (in Russian)

Kovalev, 2011 – *Kovalev A.S.* (2011) Professional'naya reabilitatsiya invalidov v Sibiri v pervoi chetverti XX v. (Professional rehabilitation of disabled people in Siberia in the first quarter of the twentieth century). In: Sotsial'naya reabilitatsiya: sotsiokul'turnye i psikhologo-pedagogicheskie resursy i praktiki: materialy Tret'ei Vserossii-skoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Social rehabilitation: socio-cultural and psychological and pedagogical resources and practices: materials of the Third all-Russian scientific and practical conference with international participation). Krasnoyarsk, pp. 281-293 (in Russian)

Phillips, 2009 – *Phillips, Sarah D.* (2009) "There Are No Invalids in the USSR!": A Missing Soviet Chapter in the New Disability History, Disability Studies Quarterly,

vol. 29, March available from URL: <http://dsq-sds.org/article/view/936/1111> (accessed 23.01.2018)

Stepochkina, 2014 – *Stepochkina E.V.* (2014) Organizatsiya meditsinskoi pomoshchi i sotsial'naya reabilitatsiya invalidov v Samarskoi gubernii vo vremya pervoi mirovoi voiny (Organization of medical care and social rehabilitation for disabled people in Samara province during the first world war) In: XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii. Elektronnyi sbornik. Vyp. 2. (XX century and Russia: society, reforms, revolutions. The electronic collection. Vol. 2.) Samara, pp. 285-289 (in Russian)

Shilovskii, 2015 – *Shilovskii M.V.* (2015) Pervaya mirovaya voina 1914–1918 godov i Sibir' (The First world war of 1914-1918 and Siberia). Novosibirsk (in Russian)

Shcherbinin, 2005 – *Shcherbinin P.P.* Osobennosti prizreniya voennykh invalidov i chlenov ikh semei v Rossii v XVIII – nachale XX v. (Features of charity for disabled veterans and members of their families in Russia in the XVIII – early XX century) Vestnik VGU Seriya Gumanitarnye nauki (Bulletin of Voronezh State University. Series of Humanities), 2005, Nr. 2, pp. 222-233 (in Russian)

Zumpf, 2014 – *Zumpf A.* (2014) Invalidnost' i ekspertiza vo vremya Pervoi mirovoi voiny v Rossii; per. V. Gavrilenko (Disability and expertise during the First world war in Russia). In: Bol'shaya voina Rossii: sotsial'nyi poryadok, publichnaya kommunikatsiya i nasilie na rubezhe tsarskoi i sovetskoi epokh: Sb. statei / red. K. Bruish, N. Kattser (The Great war of Russia: social order, public communication and violence at the turn of the tsarist and Soviet eras). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, pp. 12-17 (in Russian)

УДК 94:364.467

Роль Русской православной церкви в профессионально-трудовой реабилитации инвалидов в годы Первой мировой войны (на примере Томской губернии)

Александр Сергеевич Ковалев ^{a,*}

Николай Рзавич Новосельцев ^a

Олег Игоревич Савин ^a

^a Сибирский федеральный университет

Аннотация

Статья посвящена проблеме профессионально-трудовой реабилитации инвалидов Первой мировой войны. Предметом изучения является деятельность представителей Русской православной церкви, привлеченной к процессу трудоустройства нетрудоспособных лиц, вернувшихся с фронта на постоянное проживание в Томскую губернию через открытие курсов псаломщиков в 1915-1916 гг. С привлечением неопубликованных ранее документов из государственных архивов Алтайского края и Томской области анализируются попытки местных священников вовлечь в трудовую деятельность сибиряков, получивших на войне инвалидность, позволявшую получить рабочее место церковного служащего. Статус инвалидов войны в обществе виделся сквозь призму работоспособности, однако возможностью возвращения к трудовой деятельности были готовы воспользоваться не все инвалиды. Опираясь на антропологический подход к историческому исследованию, авторы рассматривают биографии нетрудоспособных жителей томских деревень в возрасте от 25 до 40 лет и выявляет среди инвалидов, которым была предложена перспектива обучения на псаломщических курсах и дальнейшего трудоустройства, несколько групп в зависимости от желания и потребности в реабилитации, уровня образования, степени инвалидности, возраста и прочих характеристик. По результатам анализа авторы делают вывод о том, что, привлекая церковь в качестве партнера в области политики в отношении нетрудоспособного населения, государство пыталось вывести инвалидов из

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (Н.Р. Новосельцев), OlegGTS@yandex.ru (О.И. Савин)

состояния перманентной нетрудоспособности, сделать из инвалида войны социально-активного и полезного человека, но самим нетрудоспособным оказалась более близкой иждивенческая позиция.

Ключевые слова: инвалиды войны, курсы псаломщиков, нетрудоспособность, профессиональное обучение, Русская православная церковь, трудовая реабилитация